

УДК 821.133.1Бурже.06 – 057.4

НАУКА, ОШИБКА И ИГРА В РОМАНЕ П. БУРЖЕ «УЧЕНИК»¹**Михаил Николаевич Недосейкин****к. филол. н., доцент кафедры зарубежной литературы****Воронежский государственный университет**

394006, Воронеж, пл. Ленина, 10. voire@mail.ru

В статье рассматривается роман Поля Бурже «Ученик» (1889) в контексте эволюции образа ученого во французской литературе XIX в. Анализируются основные темы и мотивы произведения: место и роль науки в обществе, отношения науки и морали, логика развития позитивистского знания. На примере центральных образов произведения изучается сложная и противоречивая связь, возникающая между фигурами ученика и учителя. В основе этих взаимоотношений лежат такие явления, как ошибка и игра. В ходе исследования выясняется, что именно они ставят под сомнение общественный статус научного знания и создают неразрешимые с точки зрения морали ситуации, приводящие человека к мировоззренческому кризису.

Ключевые слова: французская литература; Бурже; научный дискурс; образ ученого; игра, наука и мораль.

Одной из любопытнейших тем французской литературы XIX столетия, до сих пор остающейся не до конца проясненной в литературоведении, является тема эволюции главного персонажа и сопряженного с ним героического начала. Как известно, выход в свет произведений, в той или иной степени пропагандирующих реалистический метод, выявил довольно серьезную художественную проблему, которую А.В.Карельский удачно обозначил как переход «от героя к человеку» [Карельский 1990: 197]. Развенчание героического начала стало своеобразным опознавательным знаком новой литературной ситуации во Франции. Наиболее показательный пример подобной тенденции, конечно же, такие романы Г.Флобера, как «Госпожа Бовари» (1858) и «Воспитание чувств» (1870). Недаром Э.Золя заметил по их поводу, что «раз романист, изображающий обычное человеческое существование, признает только естественный ход событий, он неизбежно избавляется от всяких героев» [Золя 1967: 439].

Такой подход к изображению окружающего мира поставил перед французской художественной словесностью важную (почти идеологическую) задачу: найти нового героя. В этом качестве попеременно выступали самые различные литературные типы и характеры. Но, пожалуй, самой популярной фигурой становится ученый, так как он вполне естественно сочетает в себе принцип реализма и героическое начало. Это литературное решение дало о себе знать в огромной

массе произведений, составивших даже определенную традицию, в формировании которой приняли участие практически все выдающиеся французские писатели (О.Бальзак, Г.Флобер, Ж.Верн, А.Франс, Э.Золя, Ж.-К.Гюисманс и др.).

Выдвижение на первый план фигуры ученого, конечно же, было связано не только с решением сугубо художественных вопросов. Оно диктовалось всем ходом исторического развития европейских государств и той ролью, которую играла в нем наука. Это было время быстрого развития естественных дисциплин, проникновения точных методов в гуманитарные области знания и т.п. Симптоматично, что известная в истории социологии концепция позитивизма О.Конта возникла именно в этот период. Правда, такая несколько прямолинейная зависимость указанной литературной традиции от логики развития науки вскоре привела к неожиданным результатам. Дело в том, что к концу XIX столетия многими учеными постулировалась идея исчерпанности методов науки, подвергалась сомнению сама «адекватность ортодоксального материализма» [Уайтхед 1990: 174]. Французские писатели оперативно отреагировали на это изменение, в результате чего появились произведения, ставящие под вопрос как возможность научного познания вообще, так и право ученого на звание современного героя (посмертно изданный роман Г.Флобера «Бувар и Пекюше» (1880) и «Бессмертный» (1888) А.Доде).

Одним из самых ярких и интересных произведений, развивавших эту «регрессивную» тенденцию, стал роман Поля Бурже (1852–1935) «Ученик» (Paul Bourget, «Le Disciple», 1889). Он занимает особое место во французской литературе по ряду различных причин. В контексте рассматриваемой темы самыми важными представляются три из них. Во-первых, критике здесь подвергается не простой ученый, а философ от естественных наук. Адриен Сикст – это ученый, что называется, в квадрате, а не только старательный собиратель разного рода опытных данных. Вторая причина связана с тем, что прообразом этого персонажа стал не кто-нибудь, а Ипполит Тэн, порвавший, кстати говоря, всяческие отношения с Бурже после выхода романа в свет (см. подробнее: [Mansuy 1960]). И, в-третьих, этот роман словно бы «завершал» кратко обозначенную здесь традицию, начатую еще романом О.Бальзака «Луи Ламбер» (1832). Точнее сказать, Бурже стремился это сделать, в результате чего его творчество иногда воспринимали всего лишь как своеобразное повторение уже пройденного в девятнадцатом столетии литературного пути. Так, Эдмон де Гонкур, обычно чрезвычайно проницательный в этих вопросах, заметил: «...Мне кажется, что это – неизданный роман юного Бальзака... О, несчастный! Он насквозь пропитан духом романиста 1830 года! Чего стоит, например, его манера представлять читателю людей и жилища! Чего стоит его старомодное построение фразы! Хорошо, нечего сказать, этот незатейливый и запоздалый подражатель Бальзаку!.. Да здесь он так же обезьянничает, как на заре своей литературной деятельности, когда он, по примеру Бальзака, принялся пить черный кофе, полагая, что заполучит толику его таланта, если будет поглощать такое же количество чашек» [Гонкур 1964: 476].

Можно сказать, что тем самым Гонкур подтвердил когда-то брошенное замечание Золя, сформулированное основателем натурализма в отношении более раннего произведения Бурже: «Вы признаете в Бальзаке только его фантазматории...<...> Словом, ясно, что Ваше поколение тоже будет отравлено романтизмом» [Золя 1967: 528]. Если же учесть тот факт, что в романе Бурже не менее четко прослеживается и влияние Стендаля, то в целом ситуация действительно сложилась чрезвычайно любопытная. Недаром Л.Г.Андреев охарактеризовал второго главного персонажа этого произведения, Робера Грелу, как «романтика-позитивиста» [Андреев 1990: 10]. Бурже словно бы неосознанно исчерпал возможности определенного рода повествования, определенного стиля рассмотрения реальности,

правда, продемонстрировав при этом и удивительную устойчивость подобных стереотипов.

Поставленные в романе вопросы группируются вокруг нескольких взаимосвязанных тем. Центральной фигурой, стягивающей все в единый узел, конечно же, является фигура ученого, поданная в двух вариантах: учителя и ученика. Для лучшего понимания этого положения, безусловно, стоит кратко напомнить фабулу романа.

Размеренная жизнь выдающегося философа и ученого-позитивиста Адриена Сикста нарушается вызовом в полицейский участок, где выясняется, что некий молодой человек, Робер Грелу, считающий себя духовным учеником Сикста, совершил преступление: отравил юную представительницу одного знатного рода. В дальнейшем Сикст знакомится с рукописью, в которой Грелу подробнейшим образом анализирует свою жизнь, прибегая как раз к идеям «своего» учителя. Из этой же исповеди читатель узнает, что на самом деле никакого убийства не было: Шарлотта сама покончила с жизнью. Однако вследствие различных обстоятельств Грелу умалчивает об этом, ожидая благородного поступка от еще одного действующего лица этой драмы, старшего брата умершей – графа Андре. Во время финальной части судебного процесса граф Андре по велению собственной совести и под влиянием письма Сикста сообщает правду. Молодой человек освобожден, но уже через несколько часов граф Андре убивает Грелу прямо на улице, тем самым отомстив за страдания своей сестры. Заканчивается роман сценой ночного бдения Сикста и матери Грелу у тела юноши.

Центральная проблема романа – соотношение позитивной науки и морали. Для изучения этого вопроса Бурже прибегает к уже опробованному сюжету идеологического убийства (неважно, удачного или неудачного, прямого или косвенного). Любопытно с типологической точки зрения, что Бурже взял за основу реальное судебное дело, которое бурно обсуждалось в парижской прессе в 1878 г. Речь идет об убийстве двумя студентами старой молочницы. Во время процесса оба преступника оправдывали свой поступок ссылками на теорию Дарвина: они интерпретировали его как некий вариант борьбы за существование. Их попытки снять с себя вину «научным» образом тут же привлекли внимание литераторов, среди которых прежде всего стоит упомянуть А.Доде. Именно он долгое время собирался написать роман по этой теме, но вынужден был отказаться от этого замысла после прочтения «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевского².

В сходной ситуации Бурже концентрирует свое внимание не на самом поступке или его не-

посредственных причинах, а на той основе, из какой они молчаливо прорастают. Другими словами, французский писатель анализирует тип современной науки, «задающей» особый взгляд на мир, незаметно перенимаемый молодыми людьми. Думается, что именно в силу этого Бурже делает такой акцент на связях между учителем и учеником. И такого рода отношения особенно «вливают» на того, кто учится. Именно поэтому, думается, начать изучение общей проблематики было бы уместно как раз с фигуры учащегося, недвусмысленно вынесенного в заголовок романа. Тем более что уже в нем четко прослеживаются весьма любопытные семантические акценты.

Следует заметить, что в оригинале роман называется «Le disciple». Французский автор, таким образом, использовал не нейтральное и более привычное для слуха слово «élève», а более оценочное. Очевидно, его не устроила связь «élève» не только со «школьным» употреблением, но прежде всего со следующим легко уловимым набором значений: «возвышение», «повышение», «подъем» (élévation). Выбранное же им слово отсылает к совершенно иному семантическому полю: «послушный», «слепо повинующийся», «последователь» (discipline). Не растущий благодаря наставнику ученик, а повторяющий все за учителем. Такое ученичество предполагает следование четким правилам не только в поведении, но и в мышлении. Робер Грелу – ученик именно в этом значении, и его развитие находится в прямой зависимости от научной деятельности учителя. Ведь даже его первое научное сочинение «Опыт исследования множественности я» является только более подробной разверткой одной из идей его наставника.

Однако такое, казалось бы, простое ученичество постепенно обнаруживает в себе скрытые до поры до времени дополнительные смыслы, которые эту мнимую простоту начинают разрушать. Можно предположить, что Бурже выстраивает художественную диалектику, в рамках которой нет места простому переходу от учителя к ученику или от ученика к учителю. Недаром Сикст так долго не может узнать в действиях Грелу отражения собственных идей, ему кажется, что никаких принципиальных совпадений между ними нет. Связано же это с тем, что ученик оказывается фигурой, которая в процессе повторения выявляет скрытые моменты деятельности своего учителя, обнажает его приемы мышления, демонстрирует условия, обеспечивающие возможности его существования.

Сопровождает этот своеобразный процесс взаимодействия учителя и ученика еще одна характерная черта. Грелу, выбирая повторение как

основной способ своего существования, оказывается в сложной ситуации: он должен действовать словно бы на чужой территории, которая была образована познавательными усилиями другого человека. Следовательно, он может только цитировать, только превращать идеи в правила неукоснительного характера. Получая все в готовом виде и перенося все это в иную область (в данном случае в область практики), он в каком-то смысле уже допускает ошибку. Его положение ошибочно изначально, и потому он постоянно будет ошибаться (хотя постоянно будет бояться совершить ошибку). Проводя свой «психологический» эксперимент на Шарлотте, Грелу постоянно неверно интерпретирует ее поведение, научный метод в его исполнении с завидной регулярностью дает семантические сбои. Недаром ближе к концу романа повышается частотность подобных заявлений: «...Мне вовсе не нужно было прибегать к тщательному анализу, которому я обычно с таким увлечением предавался и который так часто подводил меня» (264)³.

По мнению Бурже, ошибка ученика всегда бросает тень на учителя. Недаром страх совершить ошибку преследует молодого героя, так как ее очередное проявление свидетельствует не об обычной практике освоения метода, а о неудовлетворительности самого научного подхода, его изначальной ложности. Весьма симптоматично, что этот страх захватывает и Сикста. Для него ошибка, которая является обязательной составляющей метода позитивных наук, также превращается в нечто совершенно недопустимое. Она словно бы должна быть исключена из науки, вытравлена. Так, когда ученый узнал, что данные одного важного опыта, на которых базировалась его книга «Анатомия воли», оказались неверными, то он не стал пересматривать собственные идеи, а просто доказал, что «эта частная подробность не имеет особого значения для его концепции в целом» (76).

Читатель приходит к простой мысли: теория постепенно замыкается на саму себя, отдаляется от практики. Иными словами, отношения между теорией и практикой усложняются, а этого не хотят замечать главные персонажи романа Бурже как представители «классического» позитивизма. Сикст боится «набегов» практики на его теорию, хотя именно на реальном опыте он когда-то и основывался. Другое дело, что практика не стоит на месте, тогда как теория постепенно отходит от жизни, становясь прижизненным памятником ее создателю. Практика, или ее «агенты» в виде учеников, и есть источник ошибок для ученого; она страшит тем, что в любой момент может не

уложиться в теорию. Наука, исключая ошибку, тем самым сама совершает ошибку.

Бурже неуклонно ведет своего персонажа к разочарованию. В финале Сикст вынужден признать, что перед лицом смерти наука, в отличие от религии, бессильна. В первоначальном, журнальном, варианте этот вывод был даже сильнее выражен: Сикст начинает читать молитву над гробом Грелу. Наука не может дать абсолютной уверенности, хотя и претендует на это. Недаром при описании жизни ученого Бурже часто использовал образ часов: его отец был часовщиком, пунктуальные ежедневные прогулки Сикста стали для соседей удобным способом узнать точное время и т.п. Ученый словно бы находился вне времени, он тот, кто время отмерял. Именно это стремление к безошибочности, имеющее разное содержательное наполнение у ученика и учителя, и является главным объектом критики со стороны Бурже.

Здесь уместно сказать, что вообще ошибка у Бурже – чрезвычайно сложный и многосоставный образ, связывающий воедино множество различных тем и мотивов романа. Узнав о предстоящем замужестве Шарлотты, Грелу понимает, что его «научный» эксперимент на грани срыва. В этот момент он замечает, что «вероятно, подобное бешенство испытывает игрок, вынужденный покинуть игорный зал и узнавший в эту минуту, что вышел именно тот номер, на который он хотел поставить...» (255). И чуть дальше: «Устав за эти месяцы от внутренней борьбы, я уже не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы возобновить игру» (261). Во второй цитате речь идет о необходимости играть социально-психологические роли: то романтика, то прилежного гувернера, то покинутого возлюбленного и т.п. Действительно, мотив игры постоянно сопровождает Грелу (как и его литературных предшественников). Еще в юности он обратил внимание на то, что в состоянии словно бы раздваиваться, способен обо всех своих внешних действиях думать как «о каком-нибудь спектакле» (100), по отношению к которому он всего лишь зритель.

Для французского писателя игровой взгляд на жизнь в принципе приравнивается к научному мировоззрению. Можно сказать, что само понятие игры вписано в научный дискурс. Ведь только приверженец позитивизма может выстроить, например, такую фразу: «А в азартной лотерее вселенной добродетель и порок – это то же, что красное и черное в рулетке» (221). Тем самым мир, в понимании Бурже, лишается какой-либо направленности и осмысленности. И эта же вселенская игра закономерным образом только увеличивает общее количество ошибок, так как в

этом случае оказываются неизвестными сами правила игры. Ученый – это распространитель игрового отношения ко всему, и поэтому он – как это ни парадоксально – основной источник ошибок.

На контрасте с игровой составляющей анализируемой темы выступает еще один важный момент – прямолинейность, которая, правда, касается не общего взгляда на мир, но межличностных отношений учителя и ученика. Переход от одного участника анализируемого «научного сюжета» к другому совершается без каких-либо потерь, словно бы учитель и ученик составляют некое целое, однородную среду. Все, что делает Грелу, есть простое и беспроblemное продолжение размышлений Сикста. У них, как выясняется в полицейском участке, даже почерки схожи. Такое сплошное пространство, формирующееся в отношениях Грелу и Сикста, как раз и является для Бурже вполне адекватным отражением общей научной точки зрения на мир. Ведь для французского писателя ученый – это особый тип человека, так как его чувства «сообразуются с его мыслью, в то время как у всех нас существует более или менее полный разлад между сердцем и рассудком» (42). Как видно, человек, не имеющий внутри никакого зазора, превращает и окружающий мир в нечто однообразное, без границ, трещин и разломов. Не случайно, резюмируя мировоззрение Сикста, повествователь заметит отсутствие у него веры в Непознаваемое. В таком мире просто не остается места для религии, чуда, иллюзии. Мир в этом случае размыкается, но уплощается. Действовать в таком мире можно только в соответствии со своеобразной количественной логикой, исключая понятие «свобода воли». «Всякое действие является не чем иным, как актом сложения. Утверждать, что это действие вполне свободно, равносильно попытке доказать, что сумма больше слагаемых.<...> Все будущее заключено в настоящем, как все свойства треугольника заключены в его определении» (41). Тотальный детерминизм, почти не отличимый от фатализма, выстроен в строгой временной последовательности.

Отсюда становится очевидным происхождение психологической бедности повседневной жизни ученого. Бурже видит в аскетичности ученого, уже неоднократно обыгранной в литературе, очередное доказательство его излишней привязанности к теории, абстрактным законам. При этом ученый, ощущая этот свой недостаток (именно как недостаток), стремится скрыть его за как можно более сложными мыслительными выкладками. Мир ученых – это еще и чрезвычайно упрощенный мир, скрывающий свою упрощенность за мнимой, по мнению Бурже, слож-

ностью. Так, Грелу неоднократно противопоставляет себя всем остальным людям как раз по линии сложности: «Я чувствовал себя иным, чем они, и это различие можно определить так: мне казалось, что я вполне понимаю их, они же понять меня не в состоянии. <...> Я уже начал усложнять наши отношения...» (124).

Усложнение, игра и, как следствие, постоянная вероятность ошибки приводят науку в область аморализма. Для Бурже мнимая сложность всегда является источником, лазейкой для лжи (см.: [Godo 2000: 72]). Грелу лжет часто и охотно, так как играет, тогда как его идейный противник граф Андре больше всего ненавидит именно ложь. По отношению к этой явной оппозиции интересно рассмотреть положение Сикста. Он до лжи не опускается, но по причине элементарного непонимания, что такое добро и зло. Его место в доцивилизационном времени первобытных племен. Недаром после допроса ученого полицейский следователь заметит: «Вот маньяк! <...> Вот уж никак не думал, что прославленный Адриен Сикст такое ископаемое!» (70).

Другая сторона «первобытного» мышления ученого напрямую связана с темой инфантилизма. Так, Сикст испытывает просто-таки панический страх от того, что ему придется давать показания в другом городе. Это действие для него максимально затруднено по причине большого количества бытовых, а потому запутанных, сложных, «взрослых» отношений с другими людьми. Даже покупка нового чемодана требует от него невероятных усилий и сопровождается скандалом со служанкой. А Грелу в своей исповеди отметит, что у таких людей, как он, «нормальная связь между действием и мыслью нарушена» (104).

Ученый – это ребенок или дикарь, не вступивший еще в общество, не научившийся жить в этом сложном механизме; его страсть к анализу поэтому сродни разрушению. Кстати говоря, уже отмеченный страх ошибки, буквально преследующий науку у Бурже, получает дополнительное обоснование, смыкаясь с общей темой аморальности позитивизма в целом. Ученый вне морали потому, что еще не дорос до нее. Только находясь в преддверии морали, можно думать, что она состоит из «метафизических иллюзий», тогда как верное её понимание возможно лишь для тех, кто находится внутри. Именно такую позицию и занимает автор романа, показывая сложную, запутанную и явно противоречивую научную картину мира, которая никак не может включать в себя Непознаваемое как непознаваемое.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 2.1.3/12071 «Универсалии русской литературы (XVIII – начала XX вв.)», поддержанного грантом Министерства образования и науки РФ.

² Первое издание на французском языке романа Ф.М.Достоевского вышло в свет в 1884 г. Впрочем, Доде впоследствии все-таки написал произведение на эту тему. Это была пьеса «Борьба за существование» (1889). Другое уголовное дело, которое традиционно соотносится с романом Бурже, подробно разбирается в книге А.Фейера (см.: [Feuillerat 1937: 136–141]). Однако сам Бурже неоднократно отвергал эту связь, несмотря на очевидные переключки.

³ *Бурже П. Ученик* / пер. с фр. А. Ладинского. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 344 с. Здесь и далее роман цитируется по этому изданию с указанием номера страниц в круглых скобках.

Список литературы

Андреев Л.Г. Два лика свободы // Нодье Ш. Бурже П. Ален-Фурнье. Жан Сбогар. Ученик. Большой Мольн / пер. с фр. Н.Фарфеля, А.Ладинского. М.: Ваксмахера; М.: Правда, 1990. С.3–18.

Бурже П. Ученик / пер. с фр. А.Ладинского. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. 344 с.

Гонкур Э. и Ж. де. Дневник / пер. с фр.; под ред. В.Шора. М.: Худож. лит., 1964. Т.2. 752 с.

Золя Э. Письма / пер. с фр.; под ред. С.Брахмана // Собр. соч.: в 26 т. М.: Худож. лит., 1967. Т.26. С.349–640.

Карельский А.В. От героя к человеку: Два века западноевропейской литературы. М.: Сов. писатель, 1990. 400 с.

Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии / пер. с англ. А.Ф.Грязнова и др. М.: Прогресс, 1990. 718 с.

Bourget P. Le disciple. Paris: Ed. définitive, 1930. 296 p.

Feuillerat A. Paul Bourget, Histoire d'un esprit sous la IIIe République. Paris: Plon, 1937. 380 p.

Godo E. La morale fissurée: «Le Disciple» de Bourget // Actes du colloque international «Amoralités de la littérature» (26 et 27 mars 1998). Metz; Paris: Ed. H. Champion (coll. «Varia»). 2000. №41. P.61–73.

Mansuy M. Un modern: Paul Bourget de l'enfance au «Disciple». Besançon: Les Belles Lettres (coll. «Annales littéraires de l'université de Besançon»), 1960. 546 p.

SCIENCE, ERROR AND GAME IN THE NOVEL «DISCIPLE» BY P. BOURGET

Michael N. Nedoseykin
Reader of Foreign Literature Department
Voronezh State University

In the article the novel «Disciple» (1889) by Paul Bourget is regarded in the context of evolution of the image of the scientist in the 19th century French Literature. The author of the article analyses the main themes and motifs of the work: the place and role of science in society, relations between science and morality, logics of positive knowledge development. On the basis of the main characters complex and controversial relations between the disciple and the teacher are studied. Their relations are based on Error and Game. The research revealed that the latter put in doubt a social status of scientific knowledge and cause insoluble, from a moral point of view, situations, which plunge a person into a worldview crisis.

Key words: French Literature; Bourget; scientific discourse; image of the scientist; game; science and morality.